

Польско-английское Соглашение и Протокол от 25 августа 1939 г.: цели сторон и значение в истории Польши (осень 1939 — весна 1945 г.)

Носкова Альбина Федоровна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: noskova.albina@gambler.ru
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Цитирование:

Носкова А. Ф. Польско-английское Соглашение и Протокол от 25 августа 1939 г.: цели сторон и значение в истории Польши (осень 1939 — весна 1945 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 109–122. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.07

Статья поступила в редакцию 26.01.2022.

Аннотация

В статье на основе конкретно-исторических сведений, накопленных в советской, российской, польской историографии, и документального материала по истории международных отношений накануне и в годы Второй мировой войны анализируется один из важнейших для истории Польши документов, во многом определивших текущую ситуацию, политику и будущее ее правительства вплоть до урегулирования «польского вопроса» главами «Большой тройки» в 1945 г. Речь идет о Соглашении о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей и секретном Протоколе к нему от 25 августа 1939 г. Подписанные вслед за заключением пакта Молотова — Риббентропа, данные документы обязывали Великобританию в случае нападения Германии немедленно оказать Польше «всю поддержку и помощь». В случае же советской угрозы подобное английское обязательство отсутствовало. Это позволяло У. Черчиллю после 22 июня 1941 г. открыто не поддерживать Польшу в территориальном споре с СССР и, «подыгрывая» Сталину, вынуждать слабую союзницу самой соглашаться на «линию Керзона» ради возвращения правительства в страну. Оно с намерениями Черчилля не соглашалось и в итоге потерпело поражение в вопросе границы и власти в стране.

Ключевые слова

Вторая мировая война, история, Польша, Великобритания, Соглашение от 25 августа 1939 г., секретный Протокол, интересы, противоречия, результаты.

Накануне Второй мировой войны польское руководство сотрудничеством с Германией в период Мюнхенского кризиса осенью 1938 г., введением войск и отторжением ряда районов от Чехо-Словакии, попыткой сблизиться с Германией и отказом от советской помощи летом 1939 г. взяло свою долю ответственности за срыв англо-франко-советских переговоров¹. Как и во время чехословацкого кризиса, западные державы, стремясь избежать конфликта с Германией, подтолкнули Польшу к тому, чтобы продемонстрировать якобы несовпадение польских национально-государственных интересов с интересами СССР², и тем способствовали возникновению летом 1939 г. международного кризиса в Европе. В таких условиях 23 августа 1939 г. во избежание изоляции на международной арене СССР подписал с Германией До-

---

1 См. подробнее: *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004; *Польша в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2012. С. 261–273; *Марына В. В.* Второй президент Чехословакии. Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013. С. 235–255.

2 В Польше в 1926 г. был установлен авторитарный режим «санации», опиравшийся на почитаемый поляками авторитет армии, на распространенные и сопряженные между собой русофобию и антикоммунизм. Власти внедряли и внедрили в сознание большинства поляков устойчивые антисоветские настроения. Для превращения их в господствующие активно эксплуатировались конкретные события истории двусторонних отношений Речи Посполитой и царской России и участие последней в разделах Польши в XVIII в. Немалое воздействие на отношение к СССР оказывали известные полякам сведения о трагедии крестьянства в соседней стране, гонениях на церковь и массовых репрессиях, проводимых коммунистами в 20–30-е гг. XX в. В СССР, со своей стороны, не были забыты события Первой мировой войны, когда польские легионы боролись против России в составе армии Австро-Венгрии, взаимодействовали с немецкой армией при оккупации территории бывшей Российской империи, затем нанесли Красной армии болезненное поражение в польско-советской войне 1919–1920 гг., когда, согласно концепции «равноудаленности» Ю. Пилсудского, в 20–30-е гг. XX в. больше «дружили» с гитлеровской Германией, когда военную угрозу видели и готовились отражать с Востока.

говор о ненападении и секретный протокол об изменении восточной границы Польши в пользу СССР³.

Существует богатая научная литература о политическом содержании и роли этих документов в истории Второй мировой войны. Высказываются разные оценки в адрес СССР — от резко негативных, обвинительных, до однозначно позитивных, одобрительных. Для данной работы важны исследовательские позиции польских историков⁴. Их преобладающе критические высказывания по поводу, в первую очередь, советского руководства можно, посмотрев на ситуацию глазами поляков, понять и отчасти разделить. Однако надо отметить и критическую «ноту», присутствующую на этот счет в польской историографии. Например, Яцек Тебинка, автор упомянутого в примечании исследования, считает, что польские политики «проглядели» антипольский смысл советско-германского пакта, не верили, что сближение Германии и СССР «зайдет далеко», «по-прежнему поступали так, будто не заметили, что договор предreshает вопрос войны и очередного раздела Польши», «не догадывались о существовании секретного соглашения о разграничении сфер влияния между Германией и Советским Союзом». Они, верно замечает польский историк, считали договор «неприятной неожиданностью», забыв, что «идеологические споры никогда не мешали альянсам держав, связанных единством геополитических интересов». Одновременно Тебинка оговаривается:

---

3 См.: Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 69–71. 28 сентября 1939 г. был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией и три не публиковавшихся в ту пору протокола к нему, где «в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства устанавливалась линия, за которой закрепилось наименование “линии Керзона”» (Там же. С. 118–121). В отечественной историографии имеют место разные оценки пакта и Договора с Германией, включая протоколы к ним. См. подробнее: *Международный кризис 1939–1941 гг. От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии и на СССР*. М., 2006; *Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.* М., 2008; *Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941 гг.* М., 2008; и др.

4 Подробный анализ польской историографии по этому вопросу см.: *Корнат М. Пакты Молотова — Риббентропа 23 августа и 28 сентября 1939 г. в польской и западной историографии // Польша — СССР. 1939–1945: избранные политические проблемы, наследие прошлого.* М., 2005. С. 3–48.

британские союзники «не информировали [союзную Польшу]... о грозящей опасности»⁵, что соответствует действительности.

Нельзя сказать, что польское руководство не искало обеспечительных мер безопасности страны. Искало и нашло путь нейтрализовать предполагаемую угрозу с Запада. 24 августа в Лондоне, где, в отличие от поляков, не «проглядели» смысла заключения советско-германского пакта, Польше предложили отреагировать и договориться, на что Варшава согласилась. 25 августа 1939 г., спустя два дня после оформления пакта Молотова — Риббентропа в Москве, Великобритания и Польша в Лондоне «ответили» подписанием «своего» Соглашения и секретного Протокола к нему⁶.

Согласно указанным документам, английская сторона, и это главное, обязывалась «немедленно» оказать Польше «всю поддержку и помощь, которая в ее силах... в случае любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или косвенно, независимость одной из Договаривающихся Сторон». С согласия польской стороны в Протоколе уточнялось, во-первых, что под «европейской державой» и агрессором подразумевалась Германия; во-вторых, что «в случае действий... со стороны европейской державы, иной, нежели Германия, договаривающиеся Стороны вместе обсудят меры, которые будут совместно приняты». Ясно, что «иной» державой виделся СССР. Подчеркнем, что в случае советского «покушения» на Польшу предполагались лишь обсуждения и совместное принятие не обозначенных в документе мер⁷.

Судя по дальнейшему развитию событий, сверхценностью для польского руководства было первое, антигерманское, обязательство

---

5 Там же. С. 17, 21.

6 В доступной польской историографии большинство историков ограничиваются кратким упоминанием этого Соглашения. Исключение представляет монография проф. Яцека Тебинки, где Соглашение и секретный Протокол к нему подвергнуты тщательному и всестороннему, критическому анализу (см. подробнее: *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. Warszawa, 1998. S. 56–62*).

7 Здесь и далее цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 323–325. Док. № 606. См. также: Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007; *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939 г. Советско-польские конфликты. 1918–1939 гг. М., 2009; и др.

англичан. Отметим, что вторая формулировка (в отношении СССР) не содержала, однако, главного — гарантий принятия таких мер. Напротив, она камуфлировала желание Великобритании избежать собственного вмешательства в допускаемый англичанами советско-польский конфликт, вероятность которого английские политики вполне себе представляли. Итак, англичане гарантировали Польше защиту от германской агрессии и восстановление независимого польского государства⁸, но в Соглашении и Протоколе к нему отсутствовали по обоюдному, вероятно, согласию четкие обязательства Великобритании защищать и гарантировать целостность довоенной территории Польши в случае «иной» (т. е. советской) агрессии.

Возникает вопрос: почему Польша, считавшая себя великой державой, соглашалась на отсутствие нужной, казалось бы, прямой гарантии установленных в 1921 г. границ с СССР? Допустимо предположить — потому, что после военного поражения Красной армии на финском фронте весной 1939 г. в Польше считали возможным повторение «чуда на Висле» 1920 г., когда польская армия, снабженная союзниками оружием, одержала победу над Красной армией. Поэтому можно согласиться с Тебинкой, который на это намекает. Англичане насчет СССР думали по-иному, поэтому давали Польше гарантии безопасности при условии нападения Германии, что не состоялось уже в начале сентября 1939 г., когда Великобритания вместе с Францией, по сути дела, приговорила Польшу, но предлагала лишь «определенные гарантии и в случае советской агрессии». Польша с такой расстановкой приоритетов соглашалась не только потому, что в отношении СССР от Великобритании «невозможно было получить обязательства,

---

⁸ После нападения Германии на Польшу правительства Великобритании и Франции жестоко обманули польское правительство. 4–5 сентября в нарушение вышеназванных английских обязательств они посчитали, что у Польши уже нет шансов продолжать сопротивление, и не позволили командующему польской армией Э. Рыдз-Смиглому отдать приказ о капитуляции терпевшей поражение армии. Более того, союзники подтвердили принятое еще в мае 1939 г. решение: в случае германской агрессии не помогать польской союзнице. 8 сентября военное командование английской и французской армий постановило не посылать в Польшу ни одного самолета и не бомбить военные объекты в Германии. 12 сентября 1939 г. главы союзных правительств, посчитав, что Польша войну уже проиграла, вынесли окончательное решение: оказывать ей помощь уже нет смысла и открывать военные действия против Германии не следует (Польша в XX веке... С. 278–279).

аналогичные случаю немецкой агрессии», но и потому, как полагает польский историк, что «Варшава о таких гарантиях и не пеклась, не видя угрозы со стороны России» (подчеркнуто мной. — А. Н.). Более того, автор прав, когда пишет: «Соглашение только на первый взгляд, но не в действительности, давало лучшие обязательства в случае советской агрессии, чем в случае агрессии немецкой», ибо «Лондон гарантировал ненарушение польских границ и одновременно не обязывал Великобританию бороться за восстановление польской восточной границы и не заключать соглашения с СССР, которое касалось бы территориальной целостности Польши, без согласия Польши». Это, по сути дела, ключевой пункт англо-польских договоренностей от 25 августа 1939 г. Правилен вывод Тебинки, что применительно к польской восточной границе «англичане избрали концепцию наблюдателя, даже не пытаясь воздействовать на Москву»⁹.

Польское правительство вряд ли было серьезно обеспокоено отсутствием в Соглашении прямых английских гарантий относительно восточных границ страны. Удовлетворившись неясной формулировкой Протокола, допускавшей двойственное ее толкование, правительство Польши могло усматривать шанс в благоприятных условиях получить свободу действий и торга с целью расширения территории и перемещения границ за счет как Германии, так и СССР. Такие намерения были¹⁰. Однако в действительности польская власть сама лишила себя права на внешнеполитический маневр, не имея к тому же достаточных сил и реальных возможностей принуждать к чему-то Великобританию — союзную ей великую державу. Так и произошло в сентябре 1939 г. Правда, урока из этих событий польское руководство не вынесло ни тогда, ни позже.

Что касается интересов Лондона, то 25 августа 1939 г. в Соглашении и Протоколе все было прописано четко и лишь к его пользе, что стало очевидным в 1943–1944 гг. Опытные английские политики, подписывая документы, «разгадали» намерения «третьей европейской державы»,

---

⁹ См. подробнее: *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 56–62.

¹⁰ См. материалы, подтверждающие существование таких претензий Польши: Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. М., 2018. Т. 1. Ч. 1. Док. № 222. С. 420–428. Без заблаговременного сбора требуемых статистических и конкретно-исторических материалов нельзя было бы в условиях подполья или усилиями специальной Комиссии по планированию при правительстве в эмиграции создать указанный и ему предшествующие документы.

читай — СССР. Они связали их применение конкретно с изменением территории и границ Польши, которых заблаговременно не признавали, о чем и подавали «сигнал» Москве. Ей были «адресованы» по одной позиции в Соглашении (ст. 6 п. 3) и Протоколе (п. 3). В первом случае говорилось: «Любое новое обязательство, которое Договаривающиеся Стороны [т. е. Великобритания и Польша] могут принять на себя в будущем, не должно ограничивать их обязательства по настоящему соглашению, равно как и косвенно создавать новые обязательства между Договаривающейся Стороной, не участвующей в этих договоренностях [т. е. СССР], и третьим государством, которого это касается», т. е. Польшей. Во втором случае конкретизировалось: «Обязательства, упомянутые в статье 6 соглашения, если они будут приняты на себя одной из Договаривающихся Сторон [т. е. Великобританией] в отношении третьего государства [т. е. СССР], должны быть оформлены таким образом, чтобы их выполнение никогда не наносило ущерба суверенитету или территориальной неприкосновенности другой Договаривающейся Стороны», т. е. Польши. Эти пункты Соглашения и Протокола польский историк расценил как «определенные гарантии и в случае советской агрессии». На наш взгляд, дело было в другом¹¹.

За столь политически ловкими текстами крылась суть английских договоренностей с Польшей. Во-первых, Великобритания, уйдя от подтверждения в Соглашении своего признания после войны довоенной польской границы на востоке, заблокировала и собственное признание установленной после 17 сентября 1939 г. советской границы. Это означало запрет Лондона как на признание им в будущем советской государственной принадлежности новых приграничных земель СССР, так и на документальное, а не на словах, подтверждение принадлежности этих земель Польше. Таким образом, Великобритания избирала для себя роль скорее наблюдателя и отчасти арбитра, что и следует отнести к еще одному ключевому положению документа от 25 августа 1939 г. Во-вторых, следствием этого стало невыполнение английской стороной обязательств перед Польшей ни 1 сентября 1939 г., ни позже, а также то, что Сталин, по сути дела, был, по словам Тебинки, «приглашен» Великобританией к вступлению в Польшу в сентябре 1939 г. В-третьих, сама Великобритания смогла избежать реального участия в войне с СССР, поскольку, как считали в Лондоне, договоренности с Польшей не обязывали ее «объявлять войну

---

¹¹ Год кризиса... Т. 2. С. 323–325; *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 56.

Москве», о чем были уведомлены поляки, которые, по убеждению британского МИД, «этого и не требовали»¹².

Таким образом, английское правительство, уйдя от закрепления собственной позиции по вопросу гарантий и обязательств отстаивать довоенную территорию Польши, создало для себя политически чрезвычайно комфортную ситуацию. Де-факто избавившись от роли гаранта довоенной польской границы, оно получило пространство для маневра в отношениях с правительствами как союзной Польши, так и СССР. Получило оно также возможность выбирать момент публичного подтверждения признания (или непризнания) границы, отделяющей Польшу от СССР, в безразличных для Великобритании начертаниях и в подходящих для него условиях, когда сделать или не сделать выбор означало выиграть или проиграть геополитическую борьбу за восточноевропейский регион сначала с Германией, затем и с СССР.

Обобщая содержание Соглашения и Протокола от 25 августа 1939 г., допустимо утверждать, что этими двумя документами англичане обеспечили себе не только свободу действий на восточном направлении (СССР). Одновременно они ограничили дипломатические и политические возможности и действия польской стороны жесткими рамками. Великобритания, избрав путь невмешательства в разрешение возможного польско-советского спора о границе, доверила Польше, и только ей, самой принимать решения на этот счет, с чем Варшава и соглашалась. Одновременно Великобритания, как будто предчувствуя, что произойдет 17 сентября 1939 г., предоставила Польше право в будущем не признавать какие-либо перемены на ее довоенной восточной границе, границе с СССР, и начать длительную тяжбу с Москвой, итогом которой могло стать поражение польской стороны.

Не трудно прийти к выводу, что Соглашение и Протокол к нему, подписанные по инициативе Лондона представителями Великобритании и Польши 25 августа 1939 г., содержали серьезный, хотя и отложенный условиями войны разрушительный внешнеполитический потенциал, причем как для Польши, так и для самой Великобритании. Это в полной мере стало ясно в конце 1943 — начале 1944 г., когда Великобритания, обеспечив себе осенью 1939 г. невмешательство в будущий польско-советский спор о границе, оказалась перед отчетливой крайне нежелательной, но вполне вероятной перспективой потери союзной Польши, что грозило англичанам утратой влияния в восточноевропейском регионе на линии Германия — Польша — СССР.

---

12 *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 67.

Польское довоенное правительство, 25 августа 1939 г. приняв к сведению английский принцип политического невмешательства в польско-советские отношения, а точнее, отказавшись от английской поддержки восточного направления внешней политики Польши, не разгадало главного, что приготовила ему история, — грядущего возникновения, развития и возможных разнонаправленных итогов территориального спора с СССР не в пользу Польши. Польское правительство, подписав 25 августа Соглашение с Великобританией, тем самым в последние дни своего существования и вовсе не вопреки главной союзнице фактически определило дальнейший путь к собственному поражению с точки зрения главного смысла польской внешней политики, а именно — недопущения утраты довоенной границы с СССР.

С нападением Германии на Польшу два поражения, заложенные англичанами в тексты Соглашения и Протокола от 25 августа, как польское, так и английское, обусловили растянутую хронологически перспективу тупикового пути развития. Великобритания и ведомая ею Польша «подвесили» во времени и дипломатическом пространстве решение вполне вероятного геополитического польско-советского спора о территории и границе, что определило политическое поведение как английского правительства, так и польских правительств Вл. Сикорского и Ст. Миколайчика. Великобритания, сообразуясь с ситуацией на советско-германском фронте, выбирала, однако, иную тактику: принуждать польскую сторону к действию, а именно «самостоятельно» принимать условия СССР и в случае победы в войне Красной армии уступить те территории, которые с 1921 г. общепринято было считать польскими. При таком развитии событий У. Черчилль усматривал возможность удержать Польшу в сфере британского влияния.

В соответствии с Соглашением поляки в их усилиях сохранить восточные «кресы» рассчитывали на английскую союзницу и на поддержку главного ходатая за них на международной арене, прежде всего перед СССР, — У. Черчилля. Во имя восстановления власти довоенной элиты, воссоединения восточных территорий — «кресов» — и возвращения правительства из эмиграции возник и был приведен в действие внутренний, национально-политический фактор его поддержки. Речь идет о военно-политическом подполье, руководимом генералами и офицерами довоенной армии, сторонниками режима «санации» и деятелями оппозиционных этому режиму партий. Речь идет и об убежденности польского населения страны в праве (после победы над Красной армией в 1920 г.) на владение многонациональными восточными землями.

Такая специфическая национальная солидарность поляков, сложившаяся осенью 1939 г. на антигерманской и антисоветской основе, порождала не менее массовое доверие поляков к правительству в эмиграции. Однако и то и другое «подтачивалось» разными политическими предпочтениями, бытовавшими в довоенном обществе, которые уже в 1943 г. стали разрушать такое национальное единение, чтобы в 1944 г. стать новой политической реальностью на освобожденной территории Польши. В итоге цели польского правительства (сохранить территорию и власть) и правительства Великобритании (сохранить союзную ей Польшу, пусть без «кресов») становились все более недостижимыми.

Завершая рассмотрение Соглашения и Протокола от 25 августа 1939 г., следует отметить, что эти документы, как и пакт от 23 августа 1939 г., на протяжении всего военного времени обуславливали появление ряда конкретно-исторических событий, происходивших на континенте. Они оказали влияние на политику английского и польского правительств в лице их премьер-министров — У. Черчилля, Вл. Сикорского и Ст. Миколайчика. «Польский» Лондон упорно стремился удержать (возвратить) границу 1921 г., не шел на уступки и, в конце концов, в 1944 г. политически так и не отступил от намерения не допустить отторжения «кресов» от Польши. Лондон «английский» в отношениях с польской стороной позволял себе действовать «по обстоятельствам». Договариваться с восточным соседом Польши он «перепоручал» самим полякам. Такой курс Великобритании на польском направлении соответствовал Соглашению от 25 августа 1939 г. и реализовывался в 1941–1942 гг. Но за чередой успехов Красной армии в 1943 г. последовала активизация английской политики в «польском вопросе». В конце 1943 г. в Тегеране Черчилль, «подыгрывая» Сталину, договаривался вместо поляков о поляках. 1944 год все расставил по своим местам. Английский премьер стал «забывать» о Соглашении от 25 августа 1939 г. и английском обязательстве «невмешательства» в территориальный польско-советский спор. Весной — летом 1944 г. Красная армия приближалась к границам этнической Польши, и главным в политике Черчилля стало понуждение польской стороны уступать Сталину ради того, чтобы удержать Польшу в сфере английского влияния и не допустить в будущем продвижения СССР вглубь Европы. Прямое, без оглядки на грубые формы, давление Черчилля на Миколайчика, порой откровенное принуждение последнего отказаться от восточных «кресов» достигли апогея в октябре 1944 г. Но решиться на это и уступить Сталину польскому премьеру не по-

зволило его правительство. Миколайчик был отправлен в отставку. Польский курс Черчилля не достиг цели. Два политика, Миколайчик и Черчилль, одновременно терпели политическое поражение, действуя в полном соответствии с теми документами, которые Великобритания и Польша подписали 25 августа 1939 г. Возникла новая ситуация: к власти в польском правительстве в ноябре 1944 г. пришли правые, крайне антисоветски настроенные политики. Возобновление контактов с такими представителями Польши было для Сталина невозможным. Путь к созданию альтернативного польского правительства в Люблине и затем в Варшаве был расчищен.

Самостоятельность советского курса на польском и шире — западном направлении, способность, не разрушая взаимодействия с западными державами, предпринимать взаимовыгодные на текущий момент внешнеполитические действия ради достижения того, что советское руководство признавало национально-политическим интересом страны (как и руководства Великобритании или Польши — интересами своих стран), отразили действия СССР: подписание договора с Германией 23 августа 1939 г., вступление 17 сентября 1939 г. Красной армии на территорию Польши, договор о «дружбе» с Германией 28 сентября 1939 г.; договоренности Сталина с Сикорским в июле и декабре 1941 г., временное прекращение отношений с правительством Сикорского в апреле 1943 г.; создание Польского Комитета Национального Освобождения в июле 1944 г.; переговоры Сталина с разными поляками в августе 1944 г. и переговоры с ними Сталина и Черчилля в октябре 1944 г.

Вместе с тем уже 1940 и 1941, а окончательно 1944–1945 гг. показали, что главным инструментом советской политики на польском направлении будет компромисс, не противоречащий конечной цели Москвы, — «линия Керзона» и Польша в сфере влияния СССР. Ради этого Сталин был способен «забыть» о перерыве в отношениях с польским правительством и неоднократно, правда, по просьбе английского посредника в лице У. Черчилля, в 1944 г. вступать в переговоры со Ст. Миколайчиком — главой не признаваемого им польского правительства. Советский лидер пытался добиться того, что не получилось ранее с Сикорским, а именно убедить польского премьера в выгодности для Польши предлагаемого Москвой и уже поддерживаемого союзниками геополитического компромисса за счет территории Германии. Наконец, Сталин был готов видеть Миколайчика на посту вице-премьера правительства новой Польши и в 1945 г. добился этого во имя достижения нужного СССР социально-политического компромисса в польском обществе. Однако попытки советской стороны

мирным путем вывести в 1945 г. военно-политическое подполье из большой «игры» за власть в Польше не удалось, после чего Москва взяла курс на его нейтрализацию и удаление с политической сцены, в том числе и силовыми методами.

Источники и литература

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. 554 с.

Корнат М. Пакты Молотова — Риббентропа 23 августа и 28 сентября 1939 г. в польской и западной историографии // Польша — СССР. 1939–1945: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М.: [б. и.], 2005. С. 3–48.

Марына В. В. Второй президент Чехословакии. Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 488 с.

Международный кризис 1939–1941 гг. От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии и на СССР. М.: Права человека, 2006. 558 с.

Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. 479 с.

Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939 г. Советско-польские конфликты. 1918–1939 гг. М.: Вече, 2009. 618 с.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941 гг. М.: Вече, 2008. 539 с.

Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: Издательство Московского университета, 2004. 528 с.

Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991. 367 с.

Польша в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. В 3 т. / под ред. А. Н. Артизова. М.: Международный фонд «Демократия», 2018. Т. 1. Апрель 1943 г. — август 1944 г. Ч. 1. Апрель 1943 г. — март 1944 г. 864 с.

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. М.: Наука, 2007. 487 с.

Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 г — июнь 1941 г. М.: Наука, 2008. 476 с.

Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. Warszawa: Wydawn. Neriton, 1998. 458 s.

References

- Chubar'ian, A. O. *Kanun tragedii. Stalin i mezhdunarodnyĭ krizis. Sentiabr' 1939 — iun' 1941 g.* Moscow: Nauka, 2008, 476 p.
- Kornat, M. "Pakty Molotova — Ribbentropa 23 avgusta i 28 sentiabria 1939 g. v pol'skoĭ i zapadnoĭ istoriografii." *Pol'sha — SSSR. 1939–1945: izbrannye politicheskie problemy, nasledie proshlogo.* Moscow: [s.n.], 2005, pp. 3–48.
- Mar'ina, V. V. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii. Edvard Benesh: politik i chelovek. 1884–1948.* Moscow: Indrik, 2013, 488 p.
- Mel'tiukhov, M. I. *17 sentiabria 1939 g. Sovetsko-pol'skie konflikt. 1918–1939 gg.* Moscow: Veche, 2009, 618 p.
- Mel'tiukhov, M. I. *Upushchennyĭ shans Stalina. Skhvatka za Evropu. 1939–1941 gg.* Moscow: Veche, 2008, 539 p.
- Mezhdunarodnyĭ krizis 1939–1941 gg. Ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniia Germanii i na SSSR.* Moscow: Prava cheloveka, 2006, 558 p.
- Mezhdunarodnyĭ krizis 1939 goda v traktovkakh rossiĭskikh i pol'skikh istorikov.* Moscow: Aspekt Press, 2009, 479 p.
- Morozov, S. V. *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniia. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoĭ "ravnoudalennosti" ministra Iu. Beka.* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004, 528 p.
- Oglasheniuiu podlezhit. SSSR — Germaniia. 1939–1941. Dokumenty i materialy,* comp. by Iu. Fel'shtinskiĭ. Moscow: Moskovskii rabochii, 1991, 367 p.
- Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii.* Moscow: Indrik, 2012, 952 p.
- Sovetskii Soiuz i pol'skoe voenno-politicheskoe podpol'e. Aprel' 1943 g. — dekabr' 1945 g.,* in 3 vols., ed. by A. N. Artizova. Vol. 1. *Aprel' 1943 g. — avgust 1944 g. Part I. Aprel' 1943 g. — mart 1944 g.* Moscow: Mezhdunarodnyĭ fond "Demokratiia", 2018, 864 p.
- SSSR, Vostochnaia Evropa i Vtoraia mirovaia voĭna. 1939–1941. Diskussii, kommentarii, razmyshleniia.* Moscow: Nauka, 2007, 487 p.
- Tebinka, J. *Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945.* Warszawa: Wydawn. Neriton, 1998, 458 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.07

A. F. Noskova

The Polish-British Agreement and the Protocol of August 25, 1939: Objectives of the parties and the significance in the history of Poland (autumn 1939 — spring 1945)

Albina F. Noskova

Doctor of History, chief research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: noskova.albina@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Citation

Noskova A. F. The Polish-British Agreement and the Protocol of August 25, 1939: Objectives of the parties and the significance in the history of Poland (autumn 1939 — spring 1945) // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 109–122 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.07

Received: 26.01.2022.

Abstract

The Mutual Assistance Agreement between the United Kingdom and Poland and the secret Protocol to it of August 25, 1939 is one of the most important documents for the history of Poland. It largely determined the current situation, politics and future of the Polish government until the settlement of the “Polish question” by the heads of the “Big Three” in 1945. The article analyzes this document based on specific historical information accumulated in Soviet, Russian, Polish historiography, and documentary material on the history of international relations on the eve and during the Second World War. Signed after the conclusion of the Molotov-Ribbentrop Pact, the document obliged Britain in the event of a German attack to immediately provide Poland with “all support and assistance.” In the case of the Soviet threat, there was no such British commitment. This allowed W. Churchill, after June 22, 1941, to not support Poland openly in the territorial dispute with the USSR and, “playing along” with Stalin, to force the weak ally to agree to the “Curzon Line” in order to return the government to the country. The latter did not agree with Churchill’s intentions and, as a result, was defeated on the issue of borders and power in the country.

Keywords

World War II, history, Poland, Great Britain, Agreement of August 25, 1939, secret Protocol, interests, contradictions, results.